

Экран и сцена -
1999 -
Мари (МД)
- 46

К

огда утопавшая в снегу Москва праздновала Рождество, мы, небольшая делегация студентов, аспирантов и преподавателей театроведческого факультета РАТИ (ГИТИС), по приглашению Баварской театральной академии прибыли в по-осеннему сухой и теплый Мюнхен. На улицах ничто уже не напоминало о прошедших новогодних торжествах, но Дух Рождества еще витал над городом. Для того, чтобы понять это, достаточно было заглянуть на представление «Летучей мыши» И.Штрауса в Баварской государственной опере.

Москва - Мюнхен - Москва

Когда за дирижерским пультом стоит один из лучших дирижеров мира – Зубин Мета, сомневаться не приходится, оперетта – искусство в высшей степени серьезное. И действительно, какой еще театральный жанр способен привести зрителя в состояние такой беззаботной радости и шаловливого веселья? Только оперетта!

Режиссер спектакля Лиандер Хауфман, известный москвичам своей постановкой «Ромео и Джульетты» Шекспира, словно смеется над привычными опереточными штампами, повторяя и высмеивая их: де-белая блондинка-героиня, утонувший под париком комик, а в декорациях много золота и плюша. Не случайно, привычная опереточная комната после первой картины исчезает со сцены, словно дернутая за веревочку детская машинка, пол сцены поднимается, превращаясь в театральные подмости, где шумит и веселится неистощимая на выдумки венская толпа.

Постановка массовых сцен – несомненная и принципиальная удача режиссера. Ведь история, Штраусом рассказанная, история публичная, так сказать, репрезентативная, на всеобщее обозрение выставленная для всеобщего веселья.

Атмосфера праздника охватывает зал. Из-под купола струятся пестрые змейки серпантина. И когда стоящий за пультом солидный дирижер начинает насвистывать в такт известному штраусовскому вальсу, понимаешь, что на сцене сегодня возможно все. Ведь на сценическом календаре вновь и вновь открывается 32 декабря, а это значит, что Дух Рождества продолжает свое победное шествие по Мюнхену.

Организатором этого праздника стал для нас Бернд Зухер, известный театральный критик, обозреватель газеты «Зю Дойче Цайтунг» и руководитель семинара по театральной критике Баварской театральной академии. Составленная им программа нашего знакомства с театральным Мюнхеном оказалась необычайно разнообразной.

«Прафауст» И.В.Гете на сцене знаменитого мюнхенского Камершпиле в постановке Томаса Бишофа решен в традициях абстрактно-философского декламационного спектакля.

Пространство сцены напоминает каземат, обитый листами ржавого железа. Лязгающий стон захлопывающихся дверей ритмично обрамляет лаконичное повествование. Перед зрителем драма сознания, разворачивающаяся как словесно-поэтическое действие.

Гораздо более насыщенным действием и зрелищем оказался спектакль по пьесе другого великого поэта – «Донья Росита, девица, или Язык цветов» Федерико Гарсиа Лорки, поставленный на сцене Резиденцтеатра. Режиссер спектакля Роберто Чули лишил пьесу Лорки ностальгически-романтической интонации поэмы о Гранаде 900-х годов, превратив ее в гротескное представление, насыщенное смехом, эротикой и религиозной символикой. Сам текст Лорки порой приобретает в спектакле пародийное звучание. Любовные пары складываются совершенно неожиданным образом: Дядя – Тетя, Тетя – Племянник, Племянник – Росита, Тетя – Мать девиц, Первая Айола – Вторая Айола, причем чувство, связующее их, есть не что иное, как откровенная, требующая немедленного удовлетворения чувственность.

При столь необычном взгляде на произведение Лорки, режиссер находит зримое воплощение для важнейших образов и метафор его поэмы. Осенняя терновым венцом Росита из 2-го акта, каракатица с надтреснутым голосом в вечно розовом платье – символ нерасцветшей женственности – заставляет вспомнить стихи поэта:

«Бессмертник – жизнь после смерти,
цветок в скрещенных руках.

О, как он хорош, когда ветер
звенит в могильных венках».

А образ порушенного мира с железным остовом оранжереи, оборванными качелями и померкшим солнечным светом, на фоне которого появляется белый силуэт постаревшей Роситы, в финале спектакля как нельзя лучше отвечает строкам поэта:

«И вот темнота наступила,
и где-то запел соловей,
– она, как в смерти от горя,
застыла, снега белей».

В конце февраля увиденные спектакли стали предметом подробного обсуждения со стороны немецких и русских студентов в Москве, где к нашим мюнхенским прибавились московские театральные впечатления наших коллег и друзей.

Елена ХАЙЧЕНКО